

Т. Н. Никитин

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ПРОТОТИПЕ ГУБЕРНАТОРА ФОН ЛЕМБКЕ В РОМАНЕ «БЕСЫ»

Среди исследователей господствует точка зрения, согласно которой, описывая губернский город в романе «Бесы», Достоевский отталкивался от впечатлений своей жизни в Твери в 1859 г. Некоторые ученые высказали мнение, что прототипом губернатора фон Лембке в «Бесах» явился тверской губернатор П. Т. Баранов, находившийся на этом посту на рубеже 1850-1860-х гг.¹

К. Емельянов в статье «Достоевский в Твери», опубликованной в 1941 г., а позднее М. С. Альтман в ряде своих работ пытались аргументировать данную точку зрения.² В комментариях Н. Ф. Будановой к академическому изданию «Бесов» также читаем: «Основными прототипами губернатора фон Лембке и его жены явились, как можно полагать, тверской губернатор П. Т. Баранов и его жена Е. А. Баранова, урожденная Васильчикова» (12; 227). В примечаниях И. Д. Якубович к письмам Достоевского тверского периода также утверждается: «П. Т. Баранов и его жена являются прототипами четы Лембке...» (28₁; 505).³

Мы же полагаем, что реальным прототипом губернатора фон Лембке послужил великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, который в период написания романа «Бесы» являлся идейным оппонентом Достоевского.⁴

Рассмотрим биографию Лембке, как она предстает на страницах романа. Повествуя о юношеских годах будущего губернатора, хроникер указывает, что «Андрей Антонович имел честь воспитываться в одном из тех высших русских учебных заведений, которые наполняются юношеством из более одаренных связями или богатством семейств. Воспитанники этого заведения почти тотчас же по окончании курса назначались к занятию

¹ О деятельности П. Т. Баранова в Твери см.: Тверские губернаторы. Тверь, 1996. С. 21-23.

² См.: Емельянов К. Достоевский в Твери // Писатели в Тверской губернии. Калинин, 1941. С. 76; Альтман М. С. Этюды о романе Достоевского «Бесы» // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1968. Т. 5. С. 444-445; Он же. Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975. С. 77-80.

³ В энциклопедическом словаре С. В. Белова «Достоевский и его окружение» приведенные суждения о чете Барановых как реальных прототипах губернатора фон Лембке и его супруги охарактеризованы как «абсолютно беспочвенные», «абсолютный вымысел» (Т. 1. С. 73). Здесь также правильно названы имя и отчество *Анны Александровны* Барановой (ср. в примеч. ПСС: Е. А. Баранова).

⁴ Отметим, что С. С. Борщевский считал Салтыкова-Щедрина (наряду с нечаевцем П. Г. Успенским и литератором А. П. Милюковым) одним из реальных прототипов губернского чиновника Липутина — фурьериста и «большого либерала». См.: Борщевский С. С. Щедрин и Достоевский: История их идейной борьбы. М., 1956. С. 221-226.

довольно значительных должностей по одному отделу государственной службы» (10; 241).

Очевидно, что речь идет о Царскосельском лицее. Салтыков учился в Царскосельском (с 1843 г. — Александровском) лицее в 1838-1844 гг. После окончания лицея он был направлен на службу в канцелярию Военного министерства.

Хроникер сообщает о Лембке, что во время обучения «в самый последний год он стал пописывать русские стишки» (10; 242). Из автобиографии Салтыкова-Щедрина: «Десяти лет поступил в Московский Дворянский институт, а оттуда в 1838 году был переведен в Царскосельский Лицей. Там я начал писать стихи, за которые был часто наказываем; там же начал и печатать их»⁵.

Как же выглядел Лембке в молодости, закончив обучение и начав свою служебную деятельность? Вот зарисовка хроникера: «...безукоризненно одетый молодой человек, с удивительно отделанными бакенбардами рыжеватого отлива, с пенсне, в лакированных сапогах, в самых свежих перчатках, в широком шармеровском пальто...» (10; 242). Нам кажется, это, несомненно, портрет молодого Салтыкова, как он выглядит на фотографиях 50-60-х гг. XIX в.⁶ и как его описывает в своих воспоминаниях племянница О. И. Зубова, дочь младшего брата Ильи: «В молодости М. Е. был франтом, одевался прекрасно <...>»⁷. А вот свидетельство современника Салтыкова-Щедрина применительно к середине 1850-х гг.: «По тогдашней моде он был гладко выбрит и носил длинные бакенбарды»⁸. А. М. Унковский, близкий друг сатирика, так вспоминает о встрече с ним в начале 1857 г.: «Одет он был тогда положительно щеголем: в лаковых штиблетах и шелковых чулках»⁹. И еще одно, более позднее свидетельство современника: «Тогда он был молодым, элегантно одетым, вооруженным золотым рипсе-пез на длинном шнурке, которое он ловко подбрасывал»¹⁰. Как кажется, в приведенных мемуарных свидетельствах мы находим практически все портретные детали из приведенной выше характеристики внешности молодого Лембке.

О карьере Лембке хроникер сообщает: «Прошли годы, и карьера его устроилась. Он все служил по видным местам <...> и дослужился наконец до весьма значительного, сравнительно с его летами, чина. <...> Наконец, когда уже стукнуло ему тридцать восемь лет, он получил и наследство. <...> Дело стало за местом. <...> Вскорости он получил известный чин и известный орден, а затем назначен был в нашу губернию» (10; 243).

⁵ Цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин и Тверь. М., 1976. С. 5.

⁶ См., например, фотографии Салтыкова-Щедрина 1856, 1859 и 1860-х гг., воспроизведенные в издании: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-1860 годов: Биография. М., 1972 (фронтиспис и вклейки между с. 288 / 289).

⁷ М. Е. Салтыков-Щедрин: Тверские страницы жизни. Тверь, 1996. С. 190.

⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1975. Т. 2. С. 215.

⁹ Там же. С. 306.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 167.

В Государственном архиве Тверской области сохранились три формулярных списка о службе Салтыкова-Щедрина: подлинный послужной список (1860 г.), привезенный им из Рязани, и две копии с этого списка, сделанные в 1861 и 1862 гг. По мнению публикаторов формулярного списка, составленного в апреле 1860 г. в Рязани с последующей тверской корректировкой, он является наиболее достоверным. Из него мы узнаем, что уже в тридцать два года Салтыков был назначен рязанским вице-губернатором, причем неоднократно временно «исправлял должность» губернатора.¹¹ В тридцать четыре года он «высочайшим приказом» был назначен тверским вице-губернатором. Накануне этого назначения «состоялся второй раздел обширных земельных владений семьи Салтыковых — родовой вотчины отца, Евграфа Васильевича, и земельных приобретений, сделанных в 20–50 годы матерью, Ольгой Михайловной»: «По раздельному акту от 19 декабря 1859 г., — пишет биограф, — Салтыкову досталось в общем владении с братом Сергеем Евграфовичем: 1) богатое оброчное село Заозерье с 18 деревнями Угличского уезда, Ярославской губернии — 1354 души, при 6000 десятинах земли; 2) деревни Курево и Липовец, в Даниловском уезде той же Ярославской губернии — 38 душ; 3) сельцо Мышкино, с деревней Новинки, состоявших на барщине, и лесная дача или пустошь Филиппцево, в Калязинском уезде, Тверской губернии — 44 души при 100 десятинах»¹².

Не чужд был Лембке, как известно, и писательству. Еще до своего назначения губернатором он «втихомолку от начальства послал было повесть в редакцию одного журнала, но ее не напечатали» (10; 243). Обращают на себя внимание слова: «втихомолку от начальства». Как известно, Салтыков был арестован в ночь с 21 на 22 апреля 1848 г. и посажен на гауптвахту «за нарушение закона, воспрещающего предавать печати собственные сочинения без ведома начальства» (выдержка из дневника секретаря следственной комиссии).¹³

Когда Лембке женился, он «схватил несколько весьма приличных осанок, даже мог сказать речь, даже имел некоторые обрывки и кончики мыслей, схватил лоск новейшего необходимого либерализма» (10; 244). Жена Юлия Михайловна «позволила ему писать роман, но потихоньку». Петр Верховенский так характеризует этот роман: «И сколько юмору у вас напихано, хохотал. Как вы, однако ж, умеете поднять на смех *sans que cela paraisse* [не подавая виду, *франц.*!]» (10; 271). Намек на сатиру Щедрина очевиден.

Следует также отметить, что Достоевскому вполне могла быть известна «история с прокламациями», приключившаяся с Салтыковым-Щедриным

¹¹ См.: М. Е. Салтыков-Щедрин: Тверские страницы жизни. С. 111.

¹² Макашин С. А. Указ. соч. С. 462, 463.

¹³ Цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 57. Также см.: Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Биография. Изд. 2-е. М., 1951. С. 293-294. Здесь приводится письмо военного министра от 27 апреля 1848 г., где подчеркивается, что «титularный советник Салтыков, в противность существующих узаконений, позволил себе помещать в периодических изданиях литературные свои произведения без дозволения и ведома начальства <...>».

в бытность его вице-губернатором в Твери. В начале июля 1861 г. он получил по почте два пакета с десятью экземплярами прокламаций общества «Великорусс». Салтыков-Щедрин неофициально предъявил прокламации губернатору Баранову, который их уничтожил. Однако вскоре (8-9 сентября) он получил еще два пакета с десятью экземплярами уже второго номера «Великорусса», которые также отнес Баранову, надеясь, что он их вновь уничтожит. Однако Баранов на этот раз отослал прокламации вместе с конвертами в Петербург. 4 октября 1861 г. в Петербурге был арестован по обвинению в распространении листовок «Великорусса» В. А. Обручев, молодой соратник Чернышевского. В результате Салтыкову-Щедрину пришлось в ноябре 1861 г. выехать в столицу для объяснения с Чернышевским, Некрасовым и Добролюбовым по поводу своего поступка — представления полученных им прокламаций губернатору.

Писатель, на наш взгляд, использовал эту историю в «Бесах», описывая губернаторство фон Лембке. Последний, беседуя с Петром Верховенским, «показал ему свою собственную интимную коллекцию всевозможных прокламаций, русских и из-за границы, которую он тщательно собирал с пятьдесят девятого года, не то что как любитель, просто из полезного любопытства» (10; 245). Когда жена Лембке, Юлия Михайловна, просит показать ей эту коллекцию, о которой она ничего не знала, неожиданно выясняется, что Лембке отдал все прокламации Верховенскому. Во время следующего разговора Верховенского с Лембке, на столе у последнего вновь лежат прокламации: «Еще она с виньеткой, — говорит Петр Степанович, — топор наверху нарисован. Позвольте (он взял прокламацию); ну да, топор и тут; та самая, точнехонько» (10; 272).

Как можно предположить, отразился в сюжете «Бесов» и еще один реальный тверской эпизод, связанный с именем Салтыкова-Щедрина. Известно, что 22 марта 1862 г. (перед отъездом из Твери) он организовал литературный вечер «в пользу капитала для вспомоществования нуждающимся чиновникам г. Твери»¹⁴. Еще раньше, 24 января 1862 г., живший в то время в Твери поэт, бывший декабрист Ф. Н. Глинка и его жена также устроили литературный вечер и тоже «в пользу неимущих чиновников г. Твери». Оба литературных вечера состоялись в зале Дворянского собрания. Достоевский знал по крайней мере о литературном вечере, организованном Салтыковым-Щедриним. О предполагаемой поездке в Тверь для участия в литературных чтениях ему писал 19 марта 1862 г. А. Н. Плещеев: «В четверг мы едем отсюда (из Москвы. — Т. Н.) целой ватагой в Тверь, где будем читать вечером в пользу неимущих чиновников. Островский, Берг, Садовский, Горбунов, Жемчужников и я, по приглашению Салтыкова»¹⁵. Возможно, именно эти литературные вечера в Твери вспомнил писатель, когда в «Бесах» описывал «литературное утро» «в пользу бедных гувернанток из

¹⁴ См.: Тверские губернские ведомости. 1862. 7 апреля. № 14. Часть неофициальная. С. 66-68; Там же. 28 апреля. № 17. Часть неофициальная. С. 73-74.

¹⁵ См.: Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1935. С. 456.

нашей губернии» (10; 236). До сих пор исследователи «Бесов» указывали лишь на то, что при описании этого «праздника» Достоевский использовал собственные впечатления от литературных чтений, состоявшихся 2 марта 1862 г. в Петербурге (то есть почти одновременно с тверским литературным вечером Салтыкова-Щедрина). Но стоит обратить внимание на то, что в «Бесах» Юлия Михайловна и другие организаторы «праздника» долго решали, в каком помещении его проводить. Наконец, было решено, что «предстоящий праздник будет дан у предводительши. Однако Варвара Петровна тотчас же смекнула в своем быстром уме, что после праздника никто не помешает ей дать свой особый праздник, уже в Скворешниках, и снова созвать весь город» (10; 261). Нам кажется, что это намек на два литературных вечера в Твери с одной целью и в очень короткий срок.

Обратим внимание еще и на такую деталь: хроникер указывает, что супруга фон Лембке Юлия Михайловна мечтала «влиять на общество и на министерство» (10; 379). Как «влиять» и на какое, собственно говоря, «министерство»? В тексте романа мы не находим ответа на этот вопрос. Однако в черновом автографе начала главы I части третьей (первая редакция) читаем: «...Юлию Михайловну нельзя так совсем (оставлять. — Т.Н.), потому что она в личных и прямых связях с министерством. (Таков был у нас всегдашний слух.)» (11; 317). В черновом автографе второй редакции этого текста мы находим сразу два варианта этой идеи о «связях» Юлии Михайловны с «министерством»:

1. «Почем знать, в каких она связях с самим министерством? Эта идея об личных связях укрепилась с самого начала» (11; 324).

2. К этой фразе тут же приведен незачеркнутый вариант: «Потому что она в личных и прямых связях с [самим]¹⁶ министерством (про совершенно личные и интимные прежние сношения ее с министерством у нас всегда стоял слух)» (Там же).

Что же имел в виду писатель, указывая в черновых набросках на возможность «прямых» связей Юлии Михайловны с «министерством» или даже «с самим» министром? Можно предположить, что здесь в «Бесах» присутствует отзвук личных, достаточно близких отношений Салтыкова-Щедрина с министром финансов М. Х. Рейтерном, его старшим лицейским товарищем.

В воспоминаниях одного из современников Салтыкова-Щедрина, Вл. Лихачева, сохранилась запись: «Из Министерства внутренних дел, с должности вице-губернатора, Салтыков перешел в Министерство финансов, на должность управляющего Казенной палаты <...>. Министром финансов был тогда Рейтерн — и много пришлось ему повозиться со своим однокашником по Лицею. Не успеет Салтыков где-нибудь прижиться, глядь, уже и поссорился с губернатором. Приезжает в Петербург — к Рейтерну.

— Давай дружную палату! Не могу я с этим мерзавцем служить.

¹⁶ Можно предположить, что зачеркнутое начало могло иметь продолжение: «...с самим министром».

Получает другую палату — и опять та же история. Так и переезжал с места на место — до полной отставки»¹⁷.

Нельзя исключить, что губернаторша фон Лембке в своих наполеоновских планах «влиять на общество и на министерство» могла рассчитывать и на личные, достаточно близкие отношения *прототипа* своего супруга «с самим министром».

Наконец, и в психологическом портрете Лембке есть некоторые характерные особенности, которые, возможно, указывают на Салтыкова-Щедрина в восприятии автора «Бесов». Можно привести текстовую параллель из романа «Бесы» и памфлета Достоевского середины 1860-х гг. «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах». Лембке «почти вскрикнул и... и, кажется, хотел закрыть лицо руками. Это неожиданное болезненное восклицание, чуть не рыдание, было нестерпимо. <...> ...кто знает, — еще мгновение, и он, может быть, зарыдал бы на всю залу» (10; 346). Ср. в памфлете «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах»: «Но тут раздался такой гомерический хохот, что Щедродаров (читай: Щедрин. — Т.Н.) совсем сбился с толку. <...> Некоторое время он в изумлении оглядывал хохочущих сотрудников; но потом вдруг закрыл глаза руками и зарыдал, как маленькое дитя...» (20; 116).

Нам остается выяснить, почему же в исследовательской литературе так долго господствует точка зрения, согласно которой основным прототипом фон Лембке явился тверской губернатор П.Т. Баранов. Исследователями, в частности, приводился следующий аргумент. М.С. Альтман в своих работах обратил внимание на «бараньи» глаза и «бараний» взгляд Лембке. Исследователь пишет: «Полагаю, что мы здесь имеем очень оригинальное указание на прототип Лембке — Баранова»¹⁸. Далее исследователь приходит к выводу: «Возможно, что и сама фамилия Лембке также связана с фамилией его прототипа — Баранова: *Lamm* по-немецки, *Lamb* по-английски — «барашек»¹⁹.

Наблюдение выразительное. Но с нашей точки зрения, и указания хроникера на «бараньи» глаза и «бараний» взгляд губернатора также работают на гипотезу о прототипической связи фон Лембке с Салтыковым-Щедриным. Следует отметить, что в своих воспоминаниях современники сатирика часто обращали внимание на его выпуклые глаза. Так, Н.К. Михайловский подчеркивает в облике Щедрина «...сильно выпуклые, как бы выпяченные глаза, сурово и как-то непреклонно смотревшие прямо в глаза собеседнику»²⁰. А.В. Прибылев свидетельствует: «За столом сидела знакомая мне по портретам фигура серьезного, занятого писателя с характерным выражением больших выпуклых глаз, взглянувших на меня как будто не вполне доброжелательно»²¹. В.И. Танеев также отмечает: «Особыми

¹⁷ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 132-133.

¹⁸ Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 116.

²¹ Там же. С. 166.

приметами были: большие глаза навывкате...»²². И еще два свидетельства современников о внешнем облике Салтыкова-Щедрина: «очень выпуклые серые глаза» (Л. Н. Спасская)²³; «в его наружности были замечательны еще глаза, довольно большие, выпуклые» (В. П. Буренин)²⁴.

М. С. Альтман также высказал предположение, что прототипом помощника Лембке, некоего Блюма, послужил тверской губернский секретарь Николай Густавович Левенталь. Именно он был чиновником особых поручений при губернаторе П. Т. Баранове в 1859 г., когда Достоевский жил в Твери.²⁵ Однако Н. Г. Левенталь занимал ту же должность и позднее, в 1860 г., когда тверским вице-губернатором стал Салтыков-Щедрин. В Государственном архиве Тверской области сохранился «проект определения губернского правления по рапорту чиновника особых поручений Левенталья». Вице-губернатор Салтыков наложил резолюцию на этот документ, содержащий критическую оценку труда Левенталья: «Вообще донесение г. Левенталья составлено необыкновенно неясно и с беспримерною легкомысленностью...»²⁶. Кстати, и в «Бесах» Блюм, который, как оказывается, равно являлся подчиненным и Салтыкова-Щедрина, тоже неуклюж и нерасторопен.

И все-таки знакомство Достоевского в 1859 г. с тверским губернатором Барановым нашло свое отражение в «Бесах». П. Т. Баранов, на наш взгляд, послужил реальным прототипом для «старого» губернатора Ивана Осиповича, которого так характеризует хроникер: «незабвенный и мягкий Иван Осипович» (10; 26). И далее: «... милый, мягкий наш Иван Осипович, бывший наш губернатор, был несколько похож на бабу, но хорошей фамилии и со связями, — чем и объясняется то, что он просидел у нас столько лет, постоянно отмахиваясь руками от всякого дела» (10; 37-38).

Вспомним, что тверской губернатор Баранов принадлежал к могущественному клану Барановых-Адлербергов, приближенному к императорскому двору. Свидетельства современников (совершенно разных людей) о П. Т. Баранове во многом совпадают. П. В. Долгоруков (известный эмигрант) пишет: «Младший из братьев, граф Павел Трофимович Баранов, тверской губернатор, в сущности добрый малый, и если бы не родился Барановым, то мог бы быть прекрасным человеком»²⁷. Н. А. Белоголовый (врач-терапевт, позднее литературно-общественный деятель) свидетельствует: «... Баранов, человек не особенно выдающегося ума, но очень мягкий и благожелательный». И далее: «... губернатор Баранов, будучи человеком нерешительным, очень боялся подпасть ответственности за какие-нибудь упущения и неправильные толкования крестьянской реформы...»²⁸. Сам

²² Там же. С. 215.

²³ Там же. Т. 1. С. 65.

²⁴ Там же. С. 194.

²⁵ Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. С. 79-80.

²⁶ Цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин: Тверские страницы жизни. С. 162.

²⁷ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. 1860-1867. М., 1934. С. 140-141.

²⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 275-276.

Достоевский в одном из своих писем из Твери в октябре 1859 г. так отзывался о тверском губернаторе: «Баранов оказался наилучшим человеком, редким из редких» (28₁; 363).²⁹

В Твери у П. Т. Баранова — реального прототипа Ивана Осиповича — было прозвище «Вежливый Нос». Не случайно и Иван Осипович в «Бесах» — «гостеприимный наш старичок» (10; 42), «человек деликатный и чувствительный» (10; 43) и, наконец, «добрый, мягкий» человек (10; 47).

Подытоживая наблюдения, сделанные в настоящей статье, хотелось бы надеяться, что приведенные факты будут способствовать дальнейшему углубленному изучению как романа «Бесы», так и сложных взаимоотношений Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Анализ текста «Бесов», а также подготовительных материалов к роману позволяет прийти к выводу: роль великого сатирика в творческой истории этого произведения была гораздо более значительной, чем это считалось до сих пор.

²⁹ Как представляется, уже одна эта характеристика сама по себе, как минимум, проблематизирует возможность рассматривать П. Т. Баранова в качестве реального прототипа губернатора фон Лембке.